

DOI 10.22363/2313-1683-2023-20-1-67-86

EDN: DPXZCJ

УДК 316.6

Исследовательская статья

Жизнестойкость и субъективное благополучие сибирских школьников с разным уровнем выраженности миграционных установок (на примере Омской области)

Ю.В. Потапова , А.Ю. Маленова , А.А. Маленов , А.К. Потапов

*Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского,
Российская Федерация, 644077, Омск, пр-кт Мира, д. 55А*

 kardova.jv@gmail.com

Аннотация. На фоне растущих темпов миграции молодежи из городов Сибирского региона на запад возрастает актуальность изучения личностных предпосылок принятия решения о смене места жительства. Школьники как будущие выпускники и абитуриенты являются одной из самых мобильных групп населения. Знание социально-психологических факторов их миграционных установок позволит региону создавать оптимальные условия для дальнейшего обучения и работы молодых специалистов, предотвращая их отток. Цель исследования – анализ уровня и структуры субъективного благополучия, жизнестойкости школьников Омской области с разным уровнем выраженности миграционных установок. С позиции личностных и демографических характеристик описаны типы школьников с разным уровнем выраженности миграционных установок. Использованы методы анкетирования и тестирования, применены: методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой; тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой; шкала миграционных установок личности С.А. Кузнецовой; авторская анкета. Выборку составили 461 учащийся (девушки – 58,1 %) средних образовательных учреждений Омска и Омской области ($M = 15,5$ лет; $SD = 1,39$). Выявлены три типа школьников с разным уровнем миграционных установок. Стремление к оседлости демонстрируют школьники со сравнительно более высоким субъективным благополучием и жизнестойкостью, высоким уровнем принятия риска. Высокий уровень миграционных установок обнаружен в кластере школьников, имеющих сравнительно более низкий уровень субъективного благополучия и жизнестойкости, низкий уровень вовлеченности. Тип со средними миграционными установками по психологическим характеристикам схож со стремящимися к миграции школьниками, но у них сравнительно ниже экзистенциально-деятельностное и социально-нормативное благополучие, а вовлеченность проявлена на среднем уровне.

Ключевые слова: миграционные установки, жизнестойкость, субъективное благополучие, молодежь, Сибирский регион, омские школьники

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20375, <https://www.rscf.ru/project/22-28-20375/>, за счет гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области, Соглашение № 22-с.

© Потапова Ю.В., Маленова А.Ю., Маленов А.А., Потапов А.К., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Миграционные процессы являются важным показателем состояния современного общества, формой обратной связи от населения, стремящегося улучшить условия своей жизни. Получаемая в результате картина может служить иллюстрацией понятия «замкнутый круг» – образованная, замотивированная молодежь уезжает из «депрессивных» регионов, создается нехватка кадров, способных поддерживать на должном уровне развитие отраслей, где требуется квалифицированный труд. В результате формируется будущий демографический дефицит, снижается инвестиционный потенциал региона. Оценивая сложившиеся условия, молодые люди уезжают из родных городов в поисках лучшей жизни для себя и своих потомков: образуется новый виток миграции, интенсивно выхолащивающий ресурсы периферийных областей России. Результаты социологических и экономических исследований миграционных установок молодежи Омской области показывают, что лишь 4,2 % молодых людей не собираются уезжать и даже не думают об этом, 32,9 % думают о переезде, 34,0 % решили переезжать, но пока не предпринимают никаких действий для этого, а 13,5 % уже приняли решение уехать и начали подготовку к переезду (Арбуз, 2016). Даже с учетом того, что не всем миграционным намерениям дано осуществиться, приведенные цифры свидетельствуют о нестабильной обстановке в регионе. Объективные данные подтверждают данную тенденцию: миграционная убыль в 2018 г. составила 12 102 человека, в 2019 г. – 12 109 человек, в 2020 г. – 10 373 человека. При этом резкий рост ее начался в 2017 г., за который убыло почти в два раза больше людей (9853 человека), чем в 2016 г. (5942 человека) (Население, 2022). При этом решение о переезде в другой город – это серьезный шаг, который предваряется длительным обдумыванием и оформлением миграционной установки – сформированной в разной степени готовности человека покинуть территорию прежнего проживания ради другой, где хотел бы проживать (Зайков и др., 2018; Лычко, Мосиенко, 2014). Установки, связанные с миграцией, подчеркивает С.А. Кузнецова, имеют далеко идущие биографические последствия, влияя в значительной степени на реальное поведение, и представляют собой некоторые установочные системы, включающие и миграционные намерения (Кузнецова, 2018). Исследование последних опосредовано разрешением ряда принципиальных вопросов. Первый связан с выявлением степени согласованности миграционных намерений с реальным территориальным перемещением, т.к. некоторые авторы (Tabor et al., 2015; Laczko et al., 2017; Chort, 2014) отмечают, что доля совершивших реальную миграцию (внутри страны или между странами) существенно ниже числа людей, высказывающихся о подобном желании. Это значит, что существуют разные сочетания самих (э)миграционных намерений и действий по их реализации, формирующих и разный тип стратегий – пассивно-предпочитаемый и активно-реализуемый (Муращенко и др., 2022).

Второй важный аспект изучения миграционных установок – их полиобъектность (свойство, отражающее направленность на реальное и потенциальное места жительства) и полисубъектность (качество, формируемое путем

интериоризации мнений близкого окружения о миграции и оформление своих взглядов на ситуацию) (Кузнецова и др., 2014). Таким образом, их изучение невозможно в отрыве от исследования установок ближайшего окружения потенциального мигранта. Семья становится важной средой для формирования и развития миграционных установок (Marsiglia et al., 2011), транслируя свой опыт миграции (так называемый миграционный капитал (Ivlevs, King, 2012)), создавая определенную культуру отношения к данному явлению через закрепление системы позитивных установок, оценку собственного материального и социального положения, поддерживая определенный уровень удовлетворенности территорией, на которой она проживает (Гольцова, 2015). С другой стороны, как российские, так и зарубежные авторы отмечают значимость вклада семьи в формирование привязанности к региону проживания, основанного на социальных связях (Бакина и др., 2018) с друзьями, партнерами, семьей (Gajdošová, Orosová, 2019; Hooijen et al., 2020). То есть в изучение миграционных установок помимо личных диспозиций (особенно, если речь идет о молодых людях, в значительной степени зависимых от родителей), желательно включать анализ семейно-средовых условий, степени удовлетворенности отношениями с близкими и их значимости.

Факторы, формирующие миграционную установку, можно условно разделить на три уровня:

– макроуровень: влияние мировой и федеральной политики, экономики, культуры, географического положения, климата (Скрипник, 2010);

– мезоуровень: региональная политика и экономика (имидж региона (Одинцов и др., 2020; Бюраева, Пискунов, 2020), оценка вероятности нахождения работы по специальности и уровень заработной платы, свойства городской культуры и инфраструктуры (Арбуз, 2016), характеристики экологического ареала семьи (Гольцова, 2015), динамика условий жизни в городе (Арбуз, 2018);

– микроуровень: воздействие ближайшего окружения на личность с ее индивидуально-психологическими и демографическими характеристиками.

Предметный интерес для нас представляют социально-демографические факторы миграционных установок, к которым можно отнести следующие: род занятий (van Mol, 2016); уровень образования (Арбуз, 2016); место проживания (Шадриков, Ильдарханова, 2018; Обухова, 2020; Вяльшина, Дакирова, 2020); материальное и семейное положение (Гольцова, 2015); возраст и жизненный этап (Иванова, 2017; Константинова, 2014; Vjarnason, 2014); опыт миграции (Рочева, Варшавер, 2020). В большинстве исследований подчеркивается идея о том, что именно молодые образованные люди (студенты и выпускники вузов) особенно склонны к миграции (Thulin, Vilhelmson, 2016; Gajdosová, Orosová, 2019), что связано с рядом возрастных и социальных факторов, в том числе открытостью путей самореализации и неопределенностью жизненной траектории (Dommermuth, Klüsener, 2018). Самым миграционно-подвижным возрастом зарубежные авторы считают период с 18 до 25 лет (Dommermuth, Klüsener, 2018), а также период в течение двух лет после окончания вуза (Норре, Fujishiro, 2015). Российские авторы, исследуя типичные траектории межрегиональной миграции, выделяют пики, приходящиеся на

17–18 лет (окончание школы, поступление в вуз) и 21–23 года (окончание профессионального обучения, поиск работы) (Габдрахманов, 2019).

Стремление мигрировать может формироваться по причине дискомфорта, который человек испытывает, проживая в родном регионе, неудовлетворенности важных для него потребностей. В связи с этим удовлетворенность жизнью (Порова, Отрачшенко, 2011) и субъективное благополучие можно рассматривать как потенциальные факторы миграции, связанные с оценкой семейных связей (Gajdošová, Orosová, 2019), получаемой социальной поддержкой (Kley, 2017), профессиональными отношениями (через высокую организационную приверженность), локальным патриотизмом и связанностью к «малой родине» (Марков и др., 2021).

Важным фактором миграционных установок на микроуровне выступают личностные качества. К примеру, С.А. Кузнецовой, автором шкалы миграционных установок личности, установлена их нелинейная связь с временной перспективой на разных этапах обучения в вузе (Кузнецова, 2018), защитными стратегиями и копингом (Кузнецова, 2017), локусом контроля молодых людей (Кузнецова, 2015). Трудность однозначного прогноза объясняется различными мотивами переезда и их зависимостью от индивидуальных качеств: для одних – это путь к самореализации, для других – инфантильная попытка убежать от проблем (так называемая «северная рационализация», обнаруженная автором) (Кузнецова, 2015).

Гипотетическую связь миграционных установок можно установить и с жизнестойкостью (хотя исследований на эту тему нам не удалось обнаружить). С. Мадди описывал эту характеристику личности как отвагу совершать выбор даже в ситуации неустрашимой тревоги за его последствия (Леонтьев, Рассказова, 2006), и видеть возможности для роста в любых проблемных ситуациях. Возможно, жизнестойкость связана с миграционными установками, ведь именно они предопределяют значительные изменения биографического масштаба, в том числе связанные с различными трудностями. Так, Н.В. Муращенкова, проведя анализ зарубежных исследований, касающихся психологических факторов эмиграционных намерений молодежи, среди прочих выделяет те, которые связаны с ресурсами субъекта преодолевать жизненные трудности, в их числе – способность совладать с амбивалентностью возникающих переживаний (Муращенкова, 2021). Однако пока нет полной ясности относительно того, кто вероятнее будет демонстрировать жизнестойкость – уехавшие или оставшиеся, способные найти возможности для развития даже там, где другие прекратили все попытки. В исследовании Л.А. Новопашиной (Новопашина, 2016) также не указывается напрямую на жизнестойкость, но обсуждается вопрос о том, что люди отличаются друг от друга по способности воспринимать возможности для роста в регионе, опираться на собственное мнение, не поддаваясь панике и стремлению скорее покинуть город, утрачивающий свою популярность. Они не только остаются верны месту своего жительства, но и создают вокруг себя творческую, созидательную среду, способную стать фактором сдерживания миграционного оттока.

Таким образом, существует обширный круг факторов, способных оказать влияние на миграционные установки личности, в том числе позволяя выделять силы регионального «притяжения и выталкивания» молодого населения.

Полагаем, что изучение миграционных установок и поиск их причин необходимо начинать на этапе формирования этих конструктов, а именно в подростковом возрасте, с целью прогноза будущего миграционного поведения молодежи с учетом определенных социально-демографических и личностных особенностей. Однако исследования именно миграционных установок подростков дефицитарны (Кузнецова и др., 2014), часто представлены результатами социологических опросов (Недосека, Шарова, 2020; Вяльшина, Дакирова, 2020; Одинцов и др., 2020), не позволяя сформировать целостное представление о возможных предикторах миграционной активности данной группы. Это затрудняет и присутствие исследований ретроспективного характера, когда опрашиваются не сами подростки, а уже мигрировавшие студенты, которым задаются вопросы о прошлом, предшествующем переезду, и их ответы вызывают сомнения в объективности и правдивости полученных результатов относительно мотивов и факторов миграции. Так, Д. Логинов, М. Янковская, И. Яковлев на основе анализа ответов 450 человек, окончивших школу в одних регионах, а затем поступивших в вузы Москвы, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и Пскова, отмечают, что решение о переезде было принято респондентами не позже 10 класса и самостоятельно, без влияния со стороны членов семьи и окружения (что авторы считают, скорее, социально одобряемым ответом) и большая часть переехавших (и их родителей) довольна своим решением, не желая возвращаться¹. Полагаем, что все же существуют некоторые типы школьников, имеющие разные особенности миграционных установок и их предпосылок, в том числе семейно-средовых. Об этом косвенно свидетельствуют результаты сравнительного исследования старшеклассников и студентов Магадана (Кузнецова и др., 2014). Факторный анализ показал, что на миграционные установки студентов влияют их собственные намерения, а также миграционные намерения и поведение близких, образуя три относительно автономных фактора, тогда как у старшеклассников два фактора одновременно включают и личные компоненты миграционных установок, и диспозиции близких, а третий полностью образован различными компонентами установки ближайшего социального окружения. То есть в подростковом возрасте миграционные установки больше зависят от позиции близких, тогда как в студенчестве оформляется индивидуальная структура миграционной установки.

Цель исследования – сравнение жизнестойкости и субъективного благополучия школьников с разным уровнем выраженности миграционных установок.

Задачи:

1. Исследование уровня выраженности миграционных установок, жизнестойкости и субъективного благополучия школьников Омской области.

¹ Уехавшие ни о чем не жалеют: у тех, кто поменял город при поступлении в вуз, как правило, всё хорошо // Институт образования. 2022. URL: <https://ioe.hse.ru/news/795101330.html> (дата обращения: 18.11.2022).

2. Создание типологии школьников на основании уровня выраженности их миграционных установок, установок их близких и установок близких о миграции самих респондентов.

3. Сравнение социально-демографических характеристик у школьников с разным уровнем выраженности миграционных установок.

4. Сравнение жизнестойкости и субъективного благополучия у школьников с разным уровнем выраженности миграционных установок.

Гипотезы исследования:

1. Школьники с миграционными установками разного уровня значительно отличаются друг от друга по своим социально-демографическим характеристикам.

2. Субъективное благополучие и жизнестойкость школьников с разным уровнем выраженности миграционных установок значительно отличаются.

Процедура и методы исследования

Участники. 461 школьник (возраст: $M = 15,5$ лет, $SD = 1,39$) из 39 СОШ, из них 313 человек (67,9 %) – жители Омска, 148 человек (32,1 %) – Омской области, 268 девушек (58,1 %) и 193 юношей (41,9 %). Анонимное психодиагностическое обследование проводилось по согласованию с администрацией учебных заведений в весенний период (с апреля по май 2022 года). Предварительно было получено информированное согласие от респондентов, достигших 15 лет, и родителей респондентов младше 15 лет.

Основными методами исследования выступили анкетирование и тестирование, использовались следующие **методики исследования**.

1. *Методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой* (Шамионов, Бескова, 2018), включающая оценку по 5 шкалам: эмоциональное, экзистенциально-деятельностное, эго-благополучие, гедонистическое и социально-нормативное благополучие. Испытуемому предлагается 34 вопроса, на которые нужно ответить по шкале от 1 – «полностью не согласен» до 5 – «полностью согласен». Вычисляется средний балл по каждой шкале, затем баллы по всем шкалам также подвергаются усреднению – и таким образом формируется интегральный показатель методики – субъективное благополучие.

2. *Шкала миграционных установок личности С.А. Кузнецовой* (Кузнецова и др., 2014), в которой представлены 36 пар утверждений, образующих 3 шкалы: миграционные установки респондента, его представления о миграционных установках близких и установках близких о его миграции. Респондент оценивает степень своего согласия с утверждением по шкале: 0 – сомнения в выборе того или иного утверждения, 1 – малая степень уверенности в согласии с утверждением, представленным с соответствующей стороны дифференциала, 2 – средняя степень и 3 – высокая степень согласия.

Поскольку авторы не предлагают норм, для первых двух методик вычислены нормированные показатели путем перевода сырых баллов в шкалу Т-оценок.

3. *Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой* (Леонтьев, Рассказова, 2006), включающий в себя оценку уровня вовлеченности, принятия риска и контроля по шкале Ликерта (0 – «нет», 1 – «скорее нет, чем да», 2 – «скорее да, чем нет», 4 – «да»). Результаты по шкалам получаются путем суммирования показателей (имеются как

прямые, так и обратные вопросы). Жизнестойкость как интегральный показатель формируется из суммы субшкал: Вовлеченность, Контроль, Принятие риска. Авторы приводят средние значения и стандартные отклонения по каждой шкале, по которым можно выявить нормы.

Также респондентам задавались вопросы о социально-демографических характеристиках, месте жительства и школе, где они учатся.

Методы математической обработки: первичные описательные статистики, частотный анализ, таблицы сопряженности с оценкой χ^2 , одновыборочный критерий Колмогорова – Смирнова для оценки нормальности распределения, кластерный анализ методом *K*-средних, *H*-критерий Краскела – Уоллиса, *U*-критерий Манна – Уитни. Для подсчетов использовалась программа IBM SPSS Statistics 20.

Результаты исследования

Кластерный анализ методом *K*-средних проводился на основании трех переменных: собственные миграционные установки, миграционные установки близких, установки близких о миграции респондентов. Было рассмотрено несколько вариантов кластеризации, но наименьшая суммарная ошибка при сравнении переменных, заложенных в основание классификации $p \leq 0,001$ наблюдалась для 3-кластерного решения. В табл. 1 представлен результат сравнения миграционных установок испытуемых из разных кластеров, проведенный с помощью *H*-критерия Краскела – Уоллиса (столбец χ^2). В целях упрощения сопоставления данных и соотнесения их с уровнями, приведены не ранги, а средние значения нормированных показателей.

Таблица 1 / Table 1

Типы миграционных установок сибирских школьников: результаты кластерного анализа / Migration attitudes of the Siberian schoolchildren: results of cluster analysis

Миграционные установки / Migration attitudes	Номер и размер кластера / Cluster number and size			χ^2
	1 (N = 300)	2 (N = 47)	3 (N = 114)	
Собственные миграционные установки / Personal migration attitudes	48,43	32,42	62,04	280,63*
Миграционные установки близких / Relatives' migration attitudes	48,22	33,01	61,66	258,96*
Установки близких о миграции респондента / Respondent's relatives' migration attitudes	48,34	31,99	61,90	275,03*

Примечание / Note: * $p \leq 0,001$.

Согласно анализу нормированных показателей можно выделить три кластера школьников: первый обладает средним, второй – низким, а третий – высоким уровнем развития миграционных установок всех трех типов. Для получения более полной информации о кластерах с помощью таблиц сопряженности с χ^2 было проведено сопоставление распределений следующих переменных: пол, место жительства, рейтинг школы. Возраст сопоставлялся с помощью *H*-критерия Краскела – Уоллиса (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Социально-демографические характеристики кластеров /
Cluster socio-demographic characteristics**

Переменные / Variables	Номер кластера / Cluster number			χ^2
	1	2	3	
<i>Пол, % (ожидаемая/наблюдаемая частота) / Gender, % (expected/observed frequency)</i>				
Юноши / Young men	46,30 (125,6/139)	34,00 (19,7/16)	33,30 (47,7/38)	7,05**
Девушки / Girls	53,70 (174,4/161)	66,00 (27,3/31)	66,70 (66,3/76)	
<i>Возраст, лет / Age, years</i>				
Возраст / Age	15,5	15,19	15,64	2,22
<i>Место жительства, % (ожидаемая/наблюдаемая частота) / Place of residence, % (expected/observed frequency)</i>				
Город / City	65,3 (203,7/196)	59,6 (31,9/28)	78,1 (77,4/89)	7,81*
Село / Village	34,7 (96,3/104)	40,4 (15,1/19)	21,9 (36,6/25)	
<i>Рейтинг школы, % (ожидаемая/наблюдаемая частота) / School rating, % (expected/observed frequency)</i>				
Сельская / Rural	34,3 (95,7/103)	40,4 (15,0/19)	21,9 (36,4/25)	13,53**
Городская, обычная / Urban, regular	18,3 (48,2/55)	10,6 (7,5/5)	12,3 (18,3/14)	
Городская, специализированная / Urban, specialized	47,3 (156,2/142)	48,9 (24,5/23)	65,8 (59,3/75)	

Примечание / Note: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Таким образом, кластер с низкими миграционными установками характеризуется преобладанием девушек. В нем наблюдаемая частота сельчан превысила ожидаемую: в данном кластере их сравнительно больше, чем в других. В кластере с высоким уровнем миграционных установок также больше девушек. Преобладают в нем горожане, учащиеся в высокорейтинговых школах Омска (наблюдаемая частота превышает ожидаемую по обоим параметрам – место жительства и рейтинг школы). Кластер со средним уровнем миграционных установок имеет примерно равную представленность полов (при этом, в отличие от других кластеров, наблюдаемая частота появления юношей для равномерного распределения больше ожидаемой), в нем сравнительно больше учащихся из обычных городских школ.

Далее проведено сравнение показателей субъективного благополучия и жизнестойкости у школьников с разным уровнем выраженности миграционных установок (табл. 3). Для жизнестойкости уровни указаны с учетом данных, предоставленных авторами адаптации методики, для субъективного благополучия уровни определяются исходя из правил шкалы Т-оценок (соответственно, все указанные в таблице данные соответствуют среднему уровню выраженности благополучия).

Таблица 3 / Table 3

Субъективное благополучие и жизнестойкость представителей разных кластеров / Well-Being and hardiness of the schoolchildren with different types of migration attitudes

Переменные / Variables	Номер кластера / Cluster number			χ^2, p
	1	2	3	
<i>Субъективное благополучие (нормированные показатели) / Subjective well-being (normalized indicators)</i>				
Эмоциональное / Emotional	49,80	55,14	49,11	17,58***
Экзистенциально-деятельностное / Existential-activity	49,73	54,69	49,84	14,39***
Эго-благополучие / Ego well-being	50,27	53,03	48,72	7,45***
Гедонистическое / Hedonistic	50,75	53,62	47,59	13,56***
Социально-нормативное / Socio-normative	49,57	52,94	51,31	11,25***
Субъективное / Subjective	50,06	54,76	49,05	15,31***
<i>Жизнестойкость, баллы и уровень / Hardiness, scores and levels</i>				
Вовлеченность / Commitment	31,78 (сред./middle)	37,00 (сред./middle)	29,55 (низ./low)	15,69***
Контроль / Control	27,41 (ниже сред. / below average)	31,13 (выше сред. / above average)	26,77 (ниже сред. / below average)	8,29***
Принятие риска / Challenge	15,69 (сред./middle)	18,32 (выс./high)	15,39 (сред./middle)	12,27***
Жизнестойкость / Hardiness	74,88 (сред./middle)	86,45 (сред./middle)	71,97 (сред./middle)	14,49***

Примечание / Note: *** $p \leq 0,001$.

Сравнение обнаруживает значимые различия по всем исследованным параметрам оценки благополучия и жизнестойкости, причем они более развиты у молодых людей с низким уровнем миграционных установок. Различия между кластерами со средним и высокими уровнями выраженности миграционных установок невелики, и наблюдаются только для гедонистического ($U = 14\ 423$; $p \leq 0,05$) и субъективного благополучия ($U = 14\ 217$, $p \leq 0,01$), при этом в обоих случаях оно ниже у тех, кто больше стремится к миграции. Жизнестойкость у всех школьников представлена на среднем уровне, а вот ее отдельные компоненты отличаются: вовлеченность представлена на низком уровне у школьников с высоким уровнем миграционных установок, а принятие риска – на высоком уровне у молодежи, мало стремящейся к переезду.

Если сравнивать значения благополучия внутри кластера, то наибольшим у школьников с низкими миграционными установками является экзистенциально-деятельностное, средним – гедонистическое и высоким – социально-нормативное благополучие.

Обсуждение результатов

По итогам кластерного анализа были выделены три типа школьников (для лаконичности изложения условно назовем эти группы): с низким («Оседлые»), средним («Умеренные») и высоким («Стремящиеся к миграции») уровнями миграционных установок.

При сравнении кластеров друг с другом значимые различия были найдены для всех трех типов миграционных установок, причем их уровень внутри кластеров не отличался: например, у «Оседлых» на низком уровне представлены как их собственные установки, так и представления о миграционных установках близких, а также близких о миграции самих респондентов.

По возрасту представители разных кластеров не отличаются друг от друга, однако эмпирическое распределение по полу статистически значимо отличается от теоретического (что отражается на соотношении наблюдаемой и ожидаемой частот). Преобладание наблюдаемой частоты появления юношей в кластере «Умеренных» над ожидаемой может говорить о том, что для школьников мужского пола менее характерно занимать какую-либо определенную позицию в отношении миграции в период обучения в 9–10 классах, тогда как девушки более склонны к тому, чтобы выстраивать перспективу на ближайшее будущее и определяться с планами по окончании школы.

В кластере «Оседлых» чаще, чем ожидается в теоретическом распределении, можно встретить сельчан. Возможно, это происходит, потому что им для межрегиональной миграции требуется больше усилий, чем горожанам. Последние могут изначально быть готовы переехать в другой город, и им для этого нет необходимости преодолевать этап внутрирегиональной миграции (переезд из сельской местности в городскую), который, как правило, следует за моментом окончания школы и поступления в вузы, располагающиеся только в крупных населенных пунктах России.

Наконец, наблюдаемая частота встречаемости учеников высокорейтинговых школ, в которых поддерживается развитие одаренности и направленность на углубленное изучение различных предметов, выше ожидаемой именно в кластере «Стремящихся к миграции». Это может говорить о том, что воспитанники таких образовательных учреждений, зная о высоком уровне своей подготовки, ориентируются на поступление в вузы столиц, как правило, имеющие более высокий статус, чем региональные, они не боятся миграции: она является для них не только нормативным, но и желательным сценарием.

Были обнаружены значимые различия в уровне субъективного благополучия и жизнестойкости школьников с разными миграционными установками. В кластере «Стремящихся к миграции» показатели субъективного благополучия и жизнестойкости ниже, чем у «Оседлых» школьников. Внутри кластера «Оседлых» преобладает экзистенциально-деятельностное благополучие, связанное с высокой оценкой своих усилий по достижению поставленных целей, тогда как у «Стремящихся к миграции» в большей степени выражено социально-нормативное благополучие, формируемое посредством оценки согласованности своих поступков с общественными нормами. Данный вид благополучия ниже прочих представлен в кластере «Оседлых», тогда как у «Стремящихся к миграции» слабее других выражено эго-благополучие, свидетельствующее о самооценке, удовлетворенности собой.

На низком уровне в кластере, настроенном на миграцию, представлена вовлеченность, а эта характеристика показывает включенность в интересный для личности вид деятельности в противовес ощущению скуки и апатии, от-

решенности от жизни. Контроль как компонент жизнестойкости демонстрирует, что человек убежден в возможности бороться за свои интересы и при необходимости занимать активную позицию. Эта характеристика представлена на уровне ниже среднего в кластерах со средним и высоким уровнем миграционных установок, тогда как у «Оседлых» она выше среднего значения. Принятие риска связано с восприятием стрессовых ситуаций как событий, приносящих ценный опыт, конструктивным отношением к встречающимся в жизни проблемам – и данный компонент у «Оседлых» проявлен на высоком уровне, в отличие от иных кластеров, где он достигает лишь среднего уровня.

Таким образом, можно составить обобщенный психологический портрет школьника с низкими миграционными установками – это личность с уровнем благополучия выше среднего, которая удовлетворена тем, чем она занимается, вовлечена в привлекательную для нее деятельность, при столкновении с трудными жизненными ситуациями она не теряет оптимистичного взгляда на мир, предпочитая активные формы реагирования.

Школьники с высокими миграционными установками по результатам сравнения могут быть представлены как личности со средним уровнем субъективного благополучия, менее уверенные в себе, чем «Оседлые» (за счет снижения эго-благополучия), слабо включенные личностно в основной вид деятельности, который они выполняют, менее ориентированные на активность в преодолении трудностей и чаще склонные ощущать свою беспомощность, чем их сверстники с низкими миграционными установками (за счет сравнительно более слабого контроля). Трудные ситуации они реже готовы воспринимать конструктивно. Возможно, миграция для этих учащихся выступает своего рода способом совладания с жизненными трудностями, эскапизма в буквальном смысле этого слова, когда переезд выступает способом начать жизнь «с чистого листа», тогда как иные стратегии преодоления еще не освоены или предпочитают реже, чем у сверстников, решившихся остаться в родном городе. Однако данное предположение имеет характер гипотезы и требует дальнейшего изучения.

Следует отметить, что у этих двух полярных с точки зрения миграционных установок групп социально-нормативное благополучие значимо не отличается, подростки в целом могут воспринимать свои действия, как одобряемые со стороны общества. То есть, миграционные установки не являются критерием, по которому бы осуждалось или поощрялось поведение школьника – можно соответствовать ожиданиям общества и оставаясь в родном городе, и стремясь к миграции. В данном случае, возможно, это связано с полисубъектностью миграционной установки – она формируется в семье, а не у отдельной личности, и, как видно из характеристик кластеров, дети формируют сходный профиль установок со значимыми близкими.

Промежуточный кластер со средним уровнем миграционных установок схож со «Стремящимися к миграции», однако у них отличается профиль субъективного благополучия внутри группы: самым высоким становится гедонистическое (связанное с удовлетворением базовых потребностей – в безопасности, комфорте окружающей обстановки), и слабее выражено социально-

нормативное и экзистенциально-деятельностное благополучие. Возможно, некоторая неопределенность в миграционных установках отражается и на неясности планов на будущее – эти школьники могут хуже понимать свои цели и шаги по их достижению (с оценкой этих параметров связано экзистенциально-деятельностное благополучие), и в меньшей степени получать положительную обратную связь от окружающих о своих поступках и действиях. Стоит предположить, что общее повышение уровня осознанности, информирование школьников о возможностях получения профессионального образования и дальнейшего трудоустройства в регионе помогли бы сомневающейся в своих решениях о миграции группе увидеть перспективы развития в родном городе, одновременно усилив экзистенциально-деятельностное благополучие и снизив миграционные установки. Это предположение также пока носит исключительно гипотетический характер и может быть рассмотрено как перспектива исследования.

Заключение

В проведенном исследовании обучающиеся были разделены на три группы по уровню выраженности их миграционных установок: молодые люди с низким уровнем миграционных установок были названы «Оседлыми», средним – «Умеренными» и высоким – «Стремящимися к миграции».

В результате сравнения полученных групп были подтверждены обе гипотезы, поставленные в начале исследования:

1. Школьники с разным уровнем миграционных установок значительно отличаются по полу (наблюдаемое распределение юношей значительно выше ожидаемого в кластере «Умеренных»), месту проживания (в кластер «Оседлых» чаще ожидаемого попадают сельчане) и рейтингу школы, в которой они учатся (в кластере «Стремящихся к миграции» чаще можно наблюдать обучающихся из школ с высоким уровнем подготовки, ориентированных на поддержку и развитие одаренности).

2. Школьники с разным уровнем миграционных установок отличаются по уровню и профилю субъективного благополучия: у «Оседлых» все его типы развиты выше, чем у представителей двух других групп, а преобладающим является экзистенциально-деятельностное благополучие; у «Умеренных» и «Стремящихся к миграции» уровни благополучия различаются незначительно, при этом у школьников со средним уровнем миграционных установок самым ярко проявленным является гедонистическое, а у респондентов с высоким уровнем миграционных установок – социально-нормативное благополучие. Значимые отличия были обнаружены также в проявлении жизнестойкости: она выше у «Оседлых» по всем параметрам, при этом принятие риска у этих молодых людей достигает высокого уровня. У «Стремящихся к миграции» жизнестойкость сравнительно более низкая (хотя проявлена в целом на среднем уровне), а вовлеченность как ее отдельный компонент находится на низком уровне.

Полученные данные дают возможность предполагать, что школьники с высокими миграционными установками обладают сравнительно более низким уровнем удовлетворенности жизнью и своей деятельностью, меньше вклю-

чены в интересующие их виды активности, с меньшим успехом, чем «Оседлые» борются с трудностями, чаще проявляя пассивность и беспомощность при столкновении с ними. Тип со средними миграционными установками в целом психологически схож с типом «Стремящихся к миграции», однако у этих подростков прослеживается значимо более низкое социально-нормативное и экзистенциально-деятельностное благополучие. Мы предполагаем, что это может быть связано с неопределенностью установок относительно будущего, которая может быть связана с трудностью профессионального определения и выбора дальнейшей жизненной перспективы. Это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

Ограничения и перспективы исследования. В качестве ограничения проведенного исследования следует отметить использование методов, позволяющих зарегистрировать значимые отличия между группами, но не формирующих представления о причинно-следственных связях. Также важным для описания регионального аспекта проблемы миграционных установок и их факторов выступает сопоставление результатов, полученных на выборках обучающихся из других городов Сибири, а также в других регионах страны. Для уточнения предпосылок миграционного поведения в школьном возрасте, следует включить для сравнения старшие возрастные группы, к примеру, студенческую и работающую молодежь. Эти ограничения будут учтены в дальнейшем для получения дополнительных данных и построения более развернутой модели миграционных установок молодежи.

Практическая значимость исследования. Обнаруженные отличия в структуре субъективного благополучия и жизнестойкости подростков с разным уровнем выраженности миграционных установок, позволяют предположить, что есть основания для разработки и внедрения психолого-педагогической технологии, направленной на повышение психологической устойчивости, самооценки и улучшение эмоционального самочувствия школьников с учетом их социально-демографических и личностных особенностей. Полагаем, что одним из позитивных эффектов будет опосредованное воздействие на миграционные установки молодежи, которые начинают оформляться в школьном возрасте. Продолжение работы со студентами позволит закрепить эти эффекты, удерживая молодых специалистов, столь необходимых омскому региону для перспективного развития. Однако для организации сопровождения учащейся молодежи в вузах необходимо предварительное изучение факторов потенциального миграционного поведения, структура которых имеет свою специфику.

Список литературы

- Арбуз А.В. Миграционные установки выпускников вузов г. Омска // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 139–146.
- Арбуз А.В. Профессиональное самоопределение и профориентация молодежи Омской области в контексте миграции // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018. № 3 (63). С. 164–172. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.3.164-172>
- Бакина А.В., Орлова О.А., Яремчук С.В. Образ социально-психологического пространства города в представлении молодежи с разными миграционными намерениями

- (на примере города Комсомольска-на-Амуре) // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9. № 7. С. 36–62. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2018-7-36-62>
- Бюраева Ю.Г., Пискунов Е.Ю.* Миграционные установки студенческой молодежи дальневосточного региона (на материалах Республики Бурятия) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 98–106. <https://doi.org/10.17223/15617793/459/12>
- Вяльшина А.А., Дакирова С.Т.* Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ // Регионология. 2020. Т. 28. № 1 (110). С. 159–183. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183>
- Габдрахманов Н.К.* Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-1-7-17>
- Гольцова Е.В.* Факторы социальной среды как детерминанты миграционного поведения молодежи Иркутской области // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14–1. С. 51–55.
- Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М.* Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 230–247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>
- Иванова Е.И.* Миграционные намерения современных поколений россиян: новая волна миграции // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3 (162). С. 106–118.
- Константинова А.Г.* Статистический анализ основных параметров миграционного движения населения в Иркутской области // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 69–72.
- Кузнецова С.А.* Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. С. 67–78. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78>
- Кузнецова С.А.* Миграционные установки жителей Магадана с разным уровнем субъективного контроля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 3. С. 75–83.
- Кузнецова С.А.* Связь миграционных установок жителей Магадана и особенностей их защитно-совладающего поведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2017. Т. 14. № 1. С. 64–75. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-1-64-75>
- Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Феценко А.В.* Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 83–90.
- Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
- Лычко С.К., Мосиенко Н.Л.* Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. № 1. С. 160–169.
- Марков В.И., Волкова Т.А., Ахметгалеева З.М.* Имидж региона и мотивация внутренней миграции студентов региональных вузов (на примере Кузбасса (Россия)) // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры). 2021. № 3 (29). С. 20–28. <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2021-3-20-28>
- Муращенкова Н.В.* Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1. С. 25–41. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41>
- Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н., Калинина Н.В., Кулеш Е.В., Константинов В.В., Гуриева С.Д., Маленова А.Ю.* Этническая, гражданская и гло-

- бальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 3. С. 113–123. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
- Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. 2022. URL: <https://omsk.gks.ru/population> (дата обращения: 03.04.2022).
- Недосека Е.В., Шарова Е.Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 355–375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>
- Новопашина Л.А. Мониторинг самочувствия населения как инструмент управления миграционными потоками трудовых ресурсов // Евразийский союз ученых. 2016. № 31–2. С. 37–43.
- Обухова В.И. Факторы миграционной активности городской и сельской молодежи // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 1 (41). С. 309–313.
- Одинцов А.В., Шипицын А.И., Марченко А.Ю. Центроостремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 335–354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 295–334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>
- Скрипник Е.О. Миграционные намерения городского населения Хабаровского края // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 42–57.
- Шадриков А.В., Ильдарханова Ч.И. Территориальные интересы сельской молодежи: опыт Республики Татарстан, Алтайского края, Республики Мордовии // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 107–118. <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.6.98.7>
- Шамионов Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 8. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>
- Bjarnason T. Adolescent migration intentions and population change: A 20-year follow-up of Icelandic communities // Sociologia Ruralis. 2014. Vol. 54. No 4. Pp. 500–515. <https://doi.org/10.1111/soru.12050>
- Chort I. Mexican migrants to the US: What do unrealized migration intentions tell us about gender inequalities? // World Development. 2014. Vol. 59. Pp. 535–552. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.01.036>
- Dommermuth L., Kltisener S. Formation and realisation of moving intentions across the adult life course // Population Place and Space. 2018. Vol. 25. No 5. e2212. <https://doi.org/10.1002/psp.2212>
- Gajdosová B., Orosová O. Selected psychological factors in relation to emigration intentions of voluntary permanent migration of university students // Ceskoslovenska Psychologie. 2019. Vol. 63. No 3. Pp. 249–264.
- Hooijen I., Meng C., Reinold J. Be prepared for the unexpected: The gap between (im)mobility intentions and subsequent behaviour of recent higher education graduates // Population, Space and Place. 2020. Vol. 26. No 5. e2313. <https://doi.org/10.1002/psp.2313>
- Hoppe A., Fujishiro K. Anticipated job benefits, career aspiration, and generalized self-efficacy as predictors for migration decision-making // International Journal of Intercultural Relations. 2015. Vol. 47. Pp. 13–27. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.03.025>
- Ivlevs A., King R.M. Family migration capital and migration intentions // Journal of Family and Economic Issues. 2012. Vol. 33. No 1. Pp. 118–129. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9269-9>
- Kley S. Facilitators and constraints at each stage of the migration decision process // Population Studies. 2017. Vol. 71. No sup1. Pp. 35–49. <https://doi.org/10.1080/00324728.2017.1359328>

- Laczko F., Tjaden J., Auer D.* Measuring global migration potential, 2010-2015 // Global Migration Data Analysis Centre: Data Briefing Series. 2017. No 9. URL: <https://publications.iom.int/books/global-migration-data-analysis-centre-data-briefing-series-issue-no-9-july-2017> (accessed: 15.09.2022).
- Marsiglia F.F., Kulis S., Hoffman, S., Calderón-Tena C.O., Becerra D., Alvarez D.* Migration intentions and illicit substance use among youth in central Mexico // *Substance Use & Misuse*. 2011. Vol. 46. No 13. Pp. 1619–1627. <https://doi.org/10.3109/10826084.2011.590957>
- Popova O., Otrachshenko V.* Life (dis)satisfaction and decision to migrate: Evidence from Central and Eastern Europe // *SSRN Electronic Journal*. 2011. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1982502>
- Tabor A.S., Milfont T.L., Ward C.* The migrant personality revisited: Individual differences and international mobility intentions // *New Zealand Journal of Psychology*. 2015. Vol. 44. No 2. Pp. 89–95.
- Thulin E., Vilhelmson B.* The Internet and desire to move: The role of virtual practices in the inspiration phase of migration // *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie*. 2016. Vol. 107. No 3. Pp. 257–269. <https://doi.org/10.1111/tesg.12144>
- Van Mol C.* Migration aspirations of European youth in times of crisis // *Journal of Youth Studies*. 2016. Vol. 19. No 10. Pp. 1303–1320. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1166192>

История статьи:

Поступила в редакцию 25 ноября 2022 г.

Принята к печати 16 января 2023 г.

Для цитирования:

Потапова Ю.В., Маленова А.Ю., Маленов А.А., Потапов А.К. Жизнестойкость и субъективное благополучие сибирских школьников с разным уровнем выраженности миграционных установок (на примере Омской области) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 1. С. 67–86. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-67-86>

Вклад авторов:

Ю.В. Потапова – теоретический обзор, подготовка методического инструментария, статистическая обработка данных, анализ результатов, корреспонденция с журналом. *А.Ю. Маленова* – планирование исследования, постановка целей и задач, теоретический обзор, разработка дизайна исследования, анализ результатов. *А.А. Маленов* – сбор эмпирической информации, визуализация и представление данных, оформление текста статьи. *А.К. Потапов* – сбор эмпирической информации, подготовка метаданных, оформление списка литературы, перевод на иностранный язык.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Потапова Юлия Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). ORCID: 0000-0002-1226-8982, eLIBRARY SPIN-код: 5026-5940. E-mail: kardova.jv@gmail.com

Маленова Арина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). ORCID: 0000-0001-5778-0739, eLIBRARY SPIN-код: 8179-3954. E-mail: malyonova@mail.ru

Маленов Александр Александрович, кандидат психологических наук, заведующий учебно-научной лабораторией, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). ORCID: 0000-0002-3654-956X, eLIBRARY SPIN-код: 9545-2314. E-mail: malyonov@mail.ru

Потапов Александр Константинович, кандидат исторических наук, преподаватель Института СПО, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). ORCID: 0000-0001-5890-9987, eLIBRARY SPIN-код: 9006-6277. E-mail: poalexk2187@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2023-20-1-67-86

EDN: DPXZCJ

UDC 316.6

Research article

Hardiness and Subjective Well-being of Siberian Schoolchildren Who Have Different Levels of Migration Attitudes: The Example of the Omsk Region

Yuliya V. Potapova , Arina Yu. Malenova ,
Aleksandr A. Malenov , Alexander K. Potapov

*Dostoevsky Omsk State University,
55 Prospekt Mira, Omsk, 644077, Russian Federation*

 kardova.jv@gmail.com

Abstract. Due to the growing rates of migration of young people from the Siberian region to the west, it is becoming increasingly relevant to study the personal prerequisites for making a decision to change their place of residence. Schoolchildren as future graduates and applicants are one of the most mobile groups of population. Knowledge of the socio-psychological factors of their migration attitudes will enable the region to create optimal conditions for further education and work of young specialists, preventing their outflow. The purpose of this study is to analyze the level and structure of subjective well-being and hardiness of schoolchildren in the Omsk region who have different levels of migration attitudes. The authors describe the types of schoolchildren with different levels of migration attitudes from the standpoint of personal and demographic characteristics. They conducted a survey and testing using the following tools: the personal subjective well-being diagnostic technique (by R.M. Shamionov and T.V. Beskova); S. Muddy's Hardiness Survey (adapted by D.A. Leontiev and E.I. Ras-skazova); personal migration attitudes scale (by S.A. Kuznetsova); the author's questionnaire. The study involved 461 students (females – 58.1%) of secondary schools in Omsk and the Omsk region ($M_{age}=15.5$; $SD=1.39$). As a result, three types of schoolchildren with different level of migratory attitudes were identified. The desire for a settled life is demonstrated by the schoolchildren with relatively higher subjective well-being and hardiness, as well as a high level of challenge. The highest level of migration attitudes was found in the schoolchildren with a relatively lower level of subjective well-being and hardiness, as well as a low level of commitment. The schoolchildren with average migration attitudes are psychologically similar to those striving for migration, but they have a relatively lower existential-activity and social-normative well-being; in addition, their commitment is at an average level.

Key words: migration attitudes, hardiness, subjective well-being, young people, Siberian Region, Omsk schoolchildren

Acknowledgements and Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) No. 22-28-20375, <https://rscf.ru/en/project/22-28-20375/>, as well as by a grant in the form of a subsidy provided from the budget of the Omsk Region, Agreement No. 22-s.

References

- Arbuz, A.V. (2016). Migration intentions of the university graduates in Omsk. *Herald of Omsk University. Series: Economics*, (4), 139–146. (In Russ.)
- Arbuz, A.V. (2018). Professional self-determination and professional orientation of the youth of the Omsk region in the context of migration. *Herald of Omsk University. Series: Economics*, (3), 164–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2018.3.164-172>
- Bakina, A.V., Orlova, O.A., & Yaremtchuk, S.V. (2018). Socio-psychological space of Komsomolsk-on-Amur among young people with different migration intentions. *Russian Journal of Education and Psychology*, 9(7), 36–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2018-7-36-62>
- Bjarnason, T. (2014). Adolescent migration intentions and population change: A 20-year follow-up of Icelandic communities. *Sociologia Ruralis*, 54(4), 500–515. <https://doi.org/10.1111/soru.12050>
- Byuraeva, Yu.G., & Piskunov, E.Yu. (2020). The migrational intentions of student youth of the far eastern region (on the materials of the republic of Buryatia). *Tomsk State University Journal*, (459), 98–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/459/12>
- Chort, I. (2014). Mexican migrants to the US: What do unrealized migration intentions tell us about gender inequalities? *World Development*, 59, 535–552. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.01.036>
- Dommermuth, L., & Klüsener, S. (2018). Formation and realisation of moving intentions across the adult life course. *Population, Space and Place*, 25(5), e2212. <https://doi.org/10.1002/psp.2212>
- Gabdrakhmanov, N.K. (2019). Concentration of students in higher education on the map of the Russian Federation. *RUDN Journal of Economics*, 27(1), 7–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-1-7-17>
- Gajdošová, B., & Orosová, O. (2019). Selected psychological factors in relation to emigration intentions of voluntary permanent migration of university students. *Ceskoslovenska Psychologie*, 63(3), 249–264.
- Goltsova, E.V. (2015). Factors of social environment as determinants of migratory behavior of youth in the Irkutsk region. *The Buryat State University Bulletin*, (14–1), 51–55. (In Russ.)
- Hooijen, I., Meng, C., & Reinold, J. (2020). Be prepared for the unexpected: The gap between (im)mobility intentions and subsequent behaviour of recent higher education graduates. *Population, Space and Place*, 26(5), e2313. <https://doi.org/10.1002/psp.2313>
- Hoppe, A., & Fujishiro, K. (2015). Anticipated job benefits, career aspiration, and generalized self-efficacy as predictors for migration decision-making. *International Journal of Intercultural Relations*, 47, 13–27. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.03.025>
- Ivanova, E.I. (2017). Migration intentions of contemporary generations in Russia: A new wave. *Studies on Russian Economic Development*, 28(3), 317–326 <https://doi.org/10.1134/S1075700717030066>
- Ivlevs, A., & King, R.M. (2012). Family migration capital and migration intentions. *Journal of Family and Economic Issues*, 33(1), 118–129. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9269-9>
- Kley, S. (2017). Facilitators and constraints at each stage of the migration decision process. *Population Studies*, 71(sup1), 35–49. <https://doi.org/10.1080/00324728.2017.1359328>
- Konstantinova, A.G. (2014). Statistical analysis of the main parameters of the migratory movement of the population in the Irkutsk region. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, (8), 69–72. (In Russ.)

- Kuznetsova, S.A. (2015). Migratory attitudes in Magadan inhabitants with different level of subjective control. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (3), 75–83. (In Russ.)
- Kuznetsova, S.A. (2017). Correlation of migratory attitudes of Magadan inhabitants and features of their defensive-coping behaviour. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14(1), 64–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-1-64-75>
- Kuznetsova, S.A. (2018). Time prospects and migratory attitudes of Magadan students at different stages of education. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(1), 67–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78>
- Kuznetsova, S.A., Kuznetsov, I.U., & Feschenko, A.V. (2014). Working out migratory attitudes scale of personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 83–90. (In Russ.)
- Laczko, F., Tjaden, J., & Auer, D. (2017). Measuring global migration potential, 2010–2015. *Global Migration Data Analysis Centre: Data Briefing Series*, (9). Retrieved September 15, 2022, from <https://publications.iom.int/books/global-migration-data-analysis-centre-data-briefing-series-issue-no-9-july-2017>
- Leontev, D.A., & Rasskazova, E.I. (2006). *Hardiness survey*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Lychko, S.K., & Mosienko, N.L. (2014). City attractiveness as a factor of formation of students' attitudes to migration. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Sotsial'no-Ekonomicheskie Nauki*, 14(1), 160–169. (In Russ.)
- Markov, V.I., Volkova, T.A., & Akhmetgaleeva, Z.M. (2021). Image of a region and internal migration motivation on the part of students of regional universities (a case of Kuzbass, Russia). *Proceedings of Altai State Academy of Culture and Arts*, (3), 20–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2021-3-20-28>
- Marsiglia, F.F., Kulis, S., Hoffman, S., Calderón-Tena, C.O., Becerra, D., & Alvarez, D. (2011). Migration intentions and illicit substance use among youth in central Mexico. *Substance Use & Misuse*, 46(13), 1619–1627. <https://doi.org/10.3109/10826084.2011.590957>
- Murashchenkova, N.V. (2021). Psychological factors of youth emigration intentions: A review of international studies. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(1), 25–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41>
- Murashchenkova, N.V., Gritsenko, V.V., Efremenkova, M.N., Kalinina, N.V., Kulesh, E.V., Konstantinov, V.V., Gurieva, S.D., & Malenova, A.Yu. (2022). Ethnic, civic, and global identities as predictors of emigration activity of student youth in Belarus, Kazakhstan, and Russia. *Cultural-Historical Psychology*, 18(3), 113–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
- Nedoseka, E.V., & Sharova, E.N. (2020). Features of youth's life strategies in the Arctic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 355–375. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>
- Novopashina, L.A. (2016). Monitoring of the population well-being as a tool for migration flows of labor resources management. *Eurasian Union of Scientists*, (31–2), 37–43. (In Russ.)
- Obukhova, V.I. (2020). Factors of migration activity of urban and rural youth. *Skif. Voprosy Studencheskoi Nauki*, (1), 309–313. (In Russ.)
- Odintsov, A.V., Shipitsin, A.I., & Marchenko, A.Yu. (2020). Centripetal migration of young people from the Russian province: Causes and trends (example of Volgograd Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 335–354. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>
- Popova, O., & Otrachshenko, V. (2011). Life (dis)satisfaction and decision to migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1982502>
- Rocheva, A.L., & Varshaver E.A. (2020). Migration intentions of youth with and without migrant backgrounds: A Russian case. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 295–334. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>
- Shadrikov, A.V., & Ildarkhanova, Ch.I. (2018). Territorial interests of rural youth: experience of the Republic of Tatarstan, Altai Krai, and the Republic of Mordovia. *Problems of Territory's Development*, (6), 107–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.6.98.7>

- Shamionov, R.M., & Beskova, T.V. (2018). Methods of diagnostics of subjective well-being of the person. *Psychological Studies*, 11(60), 8. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>
- Skripnik, E.O. (2010). Migration intentions of the Khabarovsk region urban population. *Spatial Economics*, (4), 42–57. (In Russ.)
- Tabor, A.S., Milfont, T.L., & Ward, C. (2015). The migrant personality revisited: Individual differences and international mobility intentions. *New Zealand Journal of Psychology*, 44(2), 89–95.
- Thulin, E., & Vilhelmson, B. (2016). The Internet and desire to move: The role of virtual practices in the inspiration phase of migration. *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie*, 107(3), 257–269. <https://doi.org/10.1111/tesg.12144>
- Van Mol, C. (2016). Migration aspirations of European youth in times of crisis. *Journal of Youth Studies*, 19(10), 1303–1320. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1166192>
- Vyalshina, A.A., & Dakirova, S.T. (2020). Sociological analysis of migration attitudes of rural school graduates. *Regionology*, 28(1), 159–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183>
- Zaikov, K.S., Katorin, I.V., & Tamitskii, A.M. (2018). Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(3), 230–247. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>

Article history:

Received 25 November 2022

Revised 12 January 2023

Accepted 16 January 2023

For citation:

Potapova, Yu.V., Malenova, A.Yu., Malenov, A.A., & Potapov, A.K. (2023). Hardiness and subjective well-being of Siberian schoolchildren who have different levels of migration attitudes: The example of the Omsk region. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(1), 67–86. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-67-86>

Author's contribution:

Yuliya V. Potapova – literature review, preparation of methodological tools, statistical data processing, results analysis, correspondence with journal. *Arina Yu. Malenova* – concept and design of the research, literature review, data analysis. *Aleksandr A. Malenov* – data collection, data visualization and presentation, text formatting. *Alexander K. Potapov* – data collection, metadata preparation, the list of references preparation, translation into English.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Yuliya V. Potapova, PhD in Psychology, is Associate Professor of General and Social Psychology Department, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). ORCID: 0000-0002-1226-8982, eLIBRARY SPIN-code: 5026-5940. E-mail: kardova.jv@gmail.com

Arina Yu. Malenova, PhD in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor of General and Social Psychology Department, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). ORCID: 0000-0001-5778-0739, eLIBRARY SPIN-code: 8179-3954. E-mail: malyonova@mail.ru

Aleksandr A. Malenov, PhD in Psychology, is Head of the Educational and Scientific Laboratory, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). ORCID: 0000-0002-3654-956X, eLIBRARY SPIN-code: 9545-2314. E-mail: malyonov@mail.ru

Alexander K. Potapov, PhD in History, is lecturer at the Secondary Vocational Education Institute, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). ORCID: 0000-0001-5890-9987, eLIBRARY SPIN-code: 9006-6277. E-mail: poalexk2187@yandex.ru